

Члены Жюри – Андрей Битов и актриса Гражина Байкштите (Литва) перед объявлением победителей

Последняя улыбка Советского Союза

Писатель Андрей БИТОВ, председатель Жюри Восьмого Открытого кинофестиваля стран СНГ и Балтии, закончившегося в Анапе, поделился впечатлениями с кинокритиком Татьяной МОСКВИНОЙ-ЯЩЕНКО.

– Насколько фестиваль отражает то, что происходит с нами в жизни?

– Фестиваль этот – последняя улыбка Советского Союза. Все, кто получил главные награды: Юсуп Разыков – Гран-при за фильм «Оратор» (Узбекистан), Керим Аннанов из Туркмении – Специальный приз Жюри – фильму «Легенда», Джамшед Усмонов – за режиссуру («Полет пчелы», Таджикистан), за лучший сценарий – Явер Рзаев, он же режиссер фильма «Невеста в желтом» («Сары Гяли», Азербайджан), – все они сохранили традиции советского кино в лучшем смысле этого слова, то, чему учил ВГИК три поколения студентов. Это уже внуки ВГИКа, даже если они сами его не кончали.

– Трудно себе представить, чтобы в старые времена можно было снять историю о том, как неразумно лишать мусульманина законного права иметь нескольких жен. Не менее сложно представить себе фильм о Карабахском конфликте так, как это сделал Явер Рзаев. «Сары Гяли» даже в независимом Азербайджане три года не выпускают на экраны.

– Конечно. Современные авторы самостоятельны и свободны в сюжете. Ведь основной запрет был именно на сюжет. Мы видим попытку осознать бывшую двойственность. Мне понравилось, вопервых, то, что ниоткуда не воняет национализмом. Потому что вонь национализма одинакова во всех странах. Это формула. Во-вторых, я вижу совершенно гуманные попытки осмыслить родную историю. В фильме «Оратор» поровну от старого и нового. Мы абсолютно не заметили, за что и против чего выступает автор. Он нигде и ничего не педалирует. Но в фильме честно выстроена мысль о мире, о жизни, о нашем конкретном опыте, в результате которого человек, главный герой фильма, превратился в «ноль». «Полет пчелы» рассказал о том, как один сосед из мести рыл под окнами другого соседа сортир. А вырыл колодец. И этот колодец уже никто не собирается зарывать. Явер Рзаев, снимая фильм про азербайджано-армянскую войну, впервые резко снял режню. Это чрезвычайно смелый поступок. В фильме азербайджанцы названы турками. При этом автор не занял чью-либо сторону. Он занял позицию чести и совести. Вот вам картина истории. Все эти фильмы равноправны. И поставлены они в бывших среднеазиатских республиках. Именно там сегодня хранят традиции.

– А в России?

– А в России гонятся за долларом, за успехом и превращают свое искусство в провинцию.

– Вы судите по тем работам, которые представлены на фестивале?

– Все так.

– Но вы не видели фильм «Барак»...

– Если бы фильм Валеры Огородникова был в конкурсе, возможно, тогда все было бы уравновешено. Тема «Барак» сродни ощущается тоска. На самом деле «тоска по коммуналке» – это то, чем человек всегда одушевит свою камеру. Человеческий вклад в Советский Союз был невероятен. Не сталинский. Не большевистский. То было все – ложь, кровь, сила и гибель. А именно человеческий.

В Анапе произошла чудесная реабилитация Советского Союза. На открытии фестиваля вышли 15 человек в национальных костю-

мах. Пятнадцать взрослых и пятнадцать детей. Дай Бог, чтобы этот фестиваль был не последним. Советский Союз постепенно перерастет в фольклор, в такую вещь, которую стоит наконец изучать. Я и раньше сознательно изучал Советский Союз.

– Вы его любили?

– Нет. Я изучал последнюю империю мира. Вероятно, не последнюю, потому что следующей будет Америка. Она – тоже империя нового образца. Всякая империя зарывается и погибает. Но империя – это состояние мира. Сейчас Европа стремится стать империей. Это попытка интегрироваться в сообщество. Но имперские акции кончаются вдруг озлоблением, хамством, солнечными пятнами, ну, не знаю... магнитными бурями. Это длинная история. Я молю Бога, чтобы нам не воевать с Украиной в 20-х годах будущего века. Потому что делать Югославию из одной шестой части мира нельзя. А что такое балканская война сегодня? Это распад Австро-Венгрии в 1918 году. Совершенно очевидно: висим на волоске. Терпения никакого. Все-таки коммунисты приучили нас выполнять планы 31 декабря. Надо хотя бы 31 декабря давать 101%. А тут: отгулялись, вернулись с отпуска и начинают воротить.

– Где же выход?

– Сейчас *хотеть* нельзя. То кончилось. Это началось. А что началось – непонятно. Три поколения должны смениться тремя поколениями. Надо дать вырасти хотя бы одному. Мое поколение, которое сейчас у власти, должно умереть. Реально, физически. Когда началась вся эта возня, я сказал: молитесь за протяженность времени. Время должно вымыть все. Должны родить другие люди. Должны быть приняты какие-то законы. Тогда возникнут лидеры.

– А как же преемственность, традиции, о которых вы говорили?

– Преемственность – вещь не наследуемая, поскольку мы царя убили; а возрождаемая. Это как Феникс. Дети все равно будут иметь добрую память о родителях.

– По-моему, фильм «Поклонник» Николая Лебедева говорит о противоположном. Дети не имеют доброй памяти о родителях, а родители не понимают того, что нужно детям.

– Почему? Фильм «Поклонник» говорит о том же самом: молодое поколение хранит верность, независимо от носителя. Я бы все-таки не говорил об этом фильме, если бы не девочка, исполнительница главной роли – Марина Черепухина. Было такое счастье подарить ей главный приз, минуя великих актрис. Девочка в фильме говорит родителям: «Не предавайте». Ей больше ничего не надо. Василий Розанов сказал как-то: принято считать, что родители должны любить детей, а дети должны уважать родителей. Оказывается, в наше дни все наоборот: родители должны уважать детей. Тогда детям ничего не останется, как любить родителей. Вот это должно произойти. Я уважаю своего сына. Он мне подсказал много правильного. Какое-то время мы жили в Германии. Когда вернулись, еще шла перестройка. Сын посмотрел после Германии на сломанный унитаз в московской квартире и сказал: «Папа, надо что-то делать». «А что?» – говорю. «Ну, – отвечает, – надо, во-первых, что общее сделать, чтобы все хоть раз улыбнулись. А во-вторых, пусть каждый папа возьмет в руки инструмент и хоть что-нибудь починит». Гениальнее не скажешь. Ему было пять лет. Мой сын, моя внучка – это же другие люди. Я вроде солидный, почти европейский человек. Но мне может нахамить и задержать всякий. Я к этому привык. Я в этом выжил. Нет мента, который не смотрит на ме-

ня подозрительно. Нет вахтера, который не спрашивает у меня документ, потому что я не умею хамить. У нас наследие хамства – чудовищное. А мы, народ...

– Потомки хамов?

– В России все слова имели и имеют свой смысл. Мы говорим: «власть», «свобода», «демократия», – и не знаем, что говорим. «Власть», между прочим, русское слово. Так вот, власть в России – это материя, а не категория. И пока эту материя будет делить, как у Гоголя в «Шпоньке»: «Отрежьте мне еще жены», – все будет по-прежнему. Вот Пушкин замечательно, безукоризненно употреблял слова. Он всегда отделял «народ» от «черни». У нас сейчас возобладали чернь. «Чернь» – это, по определению одного замечательного астролога, «люди, опускающие до своего уровня». При чем чернь бывает и аристократическая, и великобуржуазная, которая и Пушкина-то задушила. И властная, и интеллигентная. Все бывающее «черню». Это состояние души, как белое и черное, если хотите. «Опустить до своего уровня» – это то, что мы имеем. Так что власть у нас народная.

– Но чернь-то, по-моему, сидит внутри каждого человека...

– Конечно. И во мне ее полно. В том-то и дело, что никакие коллективных побед не бывает. Бывают победы в каждом. Юз Алешковский однажды повторил великую истину: «Дело в том, что дьявол хочет погубить всех, а Господь хочет спасти каждого». И пока в каждом не произойдет сдвига, ничего не случится. У нас много говорили о покаянии. Но в обществе покаяния не произошло. Потому что покаяние должно произойти в человеке, а не в социальном акте. У нас могут только сместить и расстрелять. Лихорадка смен с наказом: «принять меры» – оказывается бесконечной. Какие меры может принять властитель, который находится на самом гребне потока? Он-то думает, что находится на вершине пирамиды, а его волна несет. Поток управлять нельзя.

В Анапе произошла последняя релетиция Советского Союза. Сегодня эта модель опять висит в безвоздушном пространстве. И это совпадает с юбилеем ВДНХ, который взлетел на воздух на ракете в фильме Василия Пичула «Небо в алмазах». Это была очевидная придумка. Тем не менее она была технично снята. Она годится. Мы сидим напротив фонтана, построенного до демократии, но из него пьют голуби и собаки. И это важно. Мы тоже – голуби и собаки, которые здесь что-то попили и поели. Если бы не заниматься рассуждением, а снять фильм про этот фестиваль, – может быть, он и стал бы памятником империи и всему, что за ней стоит. Здесь с радостью обнимаются все республики. Как они соскучились по русскому языку и общению! Но это не означает, что не надо вводить танки. Вот вам дилемма: как сделать отдельное вместе? Эта ситуация мне напоминает то, как моя вторая жена, когда я вел машину, жала на тормоз, сидя на соседнем сидении. Она была женщиной с достаточным чувством юмора, но все равно считала, что именно она ведет машину. Сегодня мы все находимся в такой ситуации: тормозим, сидя на соседнем сидении, забыв пристегнуть привязные ремни.

– Какой же вывод?

– Ну, в общем, надо помолиться, невозможно и примириться. Обнять близких и успокоиться. А девочка, выигравшая на фестивале приз у великих актрис, и обладатель Специального приза за лучший короткометражный фильм «Коль» – Казаков Борис и есть то самое поколение, которое следует отпустить на волю.